

Раз уж личность Сюэ Фэйфэна была раскрыта, братьям Чан больше не было нужды прятаться. Всегда находились моменты, когда он не мог следовать за Шэнь Цинжанем, и ему было спокойнее, когда за тем присматривали его подчиненные.

Сгорая от стыда, Шэнь Цинжань смотрел на два знакомых лица и с силой ущипнул Сюэ Фэйфэна за руку. Какой позор!

Чан Мин, со всей свойственной ему угодливостью, не упустил случая замолвить словечко за младшего брата:

— Госпожа, у нас есть еще один брат, он сейчас служит у мастера Му. Его зовут Чан Суй — одно только имя сулит богатый урожай, очень благоприятное имя!

Ну и что, что «госпожа» — мужчина! Зато они все тут мужики, будут присматривать друг за другом в будущем. Пусть эта дьяволица Чан Чань от злости лопнет! Да еще и в военный поход можно с собой брать! Генерал поистине дальновиден!

Тем временем огромная армия незаметно разместилась на землях поместья «Тянься» в Миньчжоу и Цинчжоу, ожидая приказов.

В это же время батат и хлопок, посаженные Шэнь Цинжанем, начали созревать один за другим. В деревне Лицзяцунь свободной земли не осталось. Отнеся по корзине дедушкам в лощину и тетушке Чжан, весь остальной урожай он поручил вывезти людям с виллы «Тянься». Батат стал его подарком в знак знакомства для боевых братьев Сюэ Фэйфэна. А ботва батата с двух му земли была тщательно упакована — на кончиках листьев еще блестели капельки влаги — и под покровом ночи вывезена, чтобы успеть до конца весны посадить ее как рассаду для второго урожая.

Семена следующего поколения ему уже не нужно было сажать лично. Часть армии Сюэ Фэйфэна выделили на освоение целины, переведя их в тыловое обеспечение. Теперь, отколовшись от императорского двора, им, естественно, нужно было выстраивать собственную систему.

Шэнь Цинжань находился в деревне Лицзяцунь, а в его Системе тем временем прибавилось сто му батата, сто му картофеля и двести му хлопка. Баланс баллов: сто тысяч.

Шэнь Цинжань раскинул умом и подсчитал: сначала потрудился, потом пожинай плоды. В следующем году ему уже не придется ничего делать своими руками, урожай легко увеличится еще в сто раз... Хотя нет, вряд ли, в Миньчжоу и Цинчжоу просто не найдется столько свободной земли.

А за пределы сферы влияния Сюэ Фэйфэна тот его наверняка не отпустит. К тому же, нельзя весь собранный за год урожай пустить на семена для следующего сезона. Часть нужно раздать крестьянам, излишки пойдут на провиант для стотысячной армии, и лишь то, что останется, можно будет посадить.

Шэнь Цинжань постучал пальцами по столу. Так дело не пойдет. Эти один-два года будут решающими. Он должен отложить достаточно семян, чтобы на третий год вся Великая Ци перешла на высокоурожайные сорта, и тогда они смогут пережить кризис четвертого года.

Лучше всего было бы закупать обычный рис из других регионов на пропитание, а супергибридный рис распространять повсюду, расходясь кругами от Миньчжоу, как от центра.

На словах всё было просто. Точно так же, как он тогда на ферме: стоит лишь показать тяжелые, налитые колосья, и крестьяне сами во всем убедятся и наперебой бросятся их сажать. Но вот вопросы транспортировки, доверия к качеству...

Поэтому, когда Му Вэнькоу прислал письмо с приглашением навестить его на вилле в Миньчжоу для встречи, Шэнь Цинжань с готовностью согласился.

После инцидента с похищением Сюэ Фэйфэн уже давно отправил Му Вэнькоу послание: «Я нашел тебе младшего брата». Сначала Му Вэнькоу заупрямился, но стоило ему услышать, что этот человек — жена Сюэ Фэйфэна, как он без лишних слов выделил поля, людей, взялся за пахоту и добровольно стал козлом отпущения перед всеми.

Сюэ Фэйфэн хранил глубокое молчание об источнике семян, а Му Вэнькоу и не спрашивал, всем вокруг заявляя, что это новый продукт виллы «Тянься».

Братья Чан души не чаяли в младшем брате и послали не покидающему свой пост Чан Сую кучу фруктов и зерна, выращенных собственноручно госпожой. Госпожа — божество земледелия, это обязательно нужно съесть!

И хотя Чан Суй каждый раз тщательно всё прятал от чужих глаз, сгоравший от любопытства мастер виллы Му всегда находил способ узнать, кто это каждый день присылает посылки этому юному обладателю каменного лица.

Он разглядел колоссальный потенциал Шэнь Цинжаня. Пусть он пока не знал, откуда берутся семена, главное — сначала пригласить человека обсудить дела.

Сюэ Фэйфэну не хотелось, чтобы Шэнь Цинжань туда ехал. Му Вэнькоу был весьма недурен собой (хоть и выглядел как пройдоха), и Шэнь Цинжань с первого взгляда понял бы, что все эти байки про «сто восемьдесят цзиней веса» — наглая ложь.

Но Шэнь Цинжань настаивал, и Сюэ Фэйфэну пришлось выкроить время, чтобы сопроводить его.

Перед отъездом Сюэ Фэйфэн тактично предупредил:

— Постарайся собрать в деревне Лицзяцунь все вещи, какие сможешь.

— А... угу. — Шэнь Цинжань на мгновение опешил, но всё понял. Деревня Лицзяцунь находилась в глуши. В последнее время к Сюэ Фэйфэну непрерывным потоком шли гонцы с донесениями, и часто посреди ночи, просыпаясь, Шэнь Цинжань обнаруживал, что тот всё еще разговаривает во дворе с незнакомыми людьми.

Раз уж армия прибыла, главнокомандующему не пристало отсиживаться в горной деревушке. Сюэ Фэйфэн был разлучен с войсками уже полгода, и вопрос тренировок не терпел отлагательств.

Сюэ Фэйфэн знал, что у него мягкое сердце, и что он привязался даже к такой дыре, как деревня Лицзяцунь. Он подошел и обнял его:

— Мы же не навсегда уезжаем.

В его силах было послать войска и окружить деревню Лицзяцунь стальным кольцом так, что ни одна муха не проскользнет. Он мог бы спрятать здесь Шэнь Цинжаня на год-другой, а когда

обстановка в империи стабилизируется, забрать его. Но Шэнь Цинжаню не суждено было стать птичкой в золотой клетке — у него была своя важная миссия.

— У нас еще будет новый дом, — сказал Сюэ Фэйфэн. — Если ты будешь и дальше жить в доме Ли Фэна, я буду ревновать.

Шэнь Цинжань смерил его взглядом:

— Будьте великодушнее, генерал.

Сюэ Фэйфэн помогал ему собирать одежду. На самом деле он считал, что брать эти вещи с собой ни к чему — в городе можно будет купить лучше.

Шэнь Цинжань осадил его:

— Очнись, у тебя на шее теперь сто тысяч ртов.

Внешне генерал выглядел довольно бедно.

Сюэ Фэйфэну было нечего на это ответить.

Из десяти собак восемь втайне от Шэнь Цинжана уже обзавелись щенками. Об этом он узнал лишь однажды, когда увидел, как они грызут кости, брошенные Сюэ Цзиньфэном, и заглянул в Систему. Оставшиеся две собаки были породы маламут: кобель и сука. Но они друг друга на дух не переносили, так и оставшись «одиночками».

Две коровы тоже повзрослели и принесли потомство. Поэтому всё, что Шэнь Цинжань собирался забрать с собой — это две собаки.

Сюэ Фэйфэн предложил:

— Может, заберем с собой коров? Ты же говорил, что любишь пить молоко перед сном.

— Пусть остаются, я могу завести новых.

— Не разрешаю. — Сюэ Фэйфэн был против.

Для Шэнь Цинжана разведение животных было сродни воспитанию несмышленных детей: их нужно было кормить изо дня в день, пока не вырастут, не прерываясь ни на миг. Это слишком выматывало и ложилось тяжким бременем на душу. Уж лучше пусть занимается земледелием.

Шэнь Цинжань пропустил это мимо ушей, не став ни возражать Сюэ Фэйфэну, ни обещать, что больше никого не заведет, и просто сменил тему:

— Что будем делать с девушкой Пань? Возьмем ее с собой?

Пань Юньси жила в деревне Лицзяцунь совсем одна, без родителей. Разве это не в точности то же самое положение, в котором оказался сам Шэнь Цинжань, когда Сюэ Фэйфэн исчез? Хоть Пань Юньси, несомненно, была крепче его и с голоду бы не умерла, Шэнь Цинжань боялся, что ее могут обидеть. А года через два, когда придет время выходить замуж, за нее некому будет заступиться. И если муж окажется негодяем, у нее не будет родительского дома для поддержки.

Они с Сюэ Фэйфэном оба мужчины, брать с собой Пань Юньси было бы неудобно. К тому же,

это не просто переезд, а, называя вещи своими именами, мятеж. Если в итоге они навлекут беду на Пань Юньси, то уж лучше пусть она спокойно живет в деревне Лицзяцунь — вон, грибы каждый день выращивает и вполне счастлива.

Шэнь Цинжань оставил ей пять му земли и два рыбных пруда. После сбора урожая картофеля, хлопка и батата, он распорядился засеять поля по одному му кукурузой, сорго, пшеницей, бататом и хлопком. Вкупе с полными рыбы прудами и фруктовыми саженцами, растущими повсюду, она сможет жить припеваючи, если не случится ничего непредвиденного.

Везде были свои плюсы и минусы. Шэнь Цинжань запутался в сомнениях. Спросить мнения самой Пань Юньси он тоже не мог, ведь нельзя же было прямым текстом раскрыть личность Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн понимал тревоги Шэнь Цинжаня, хотя до сих пор не брал в толк, с чего бы тому так дружить с этой девушкой:

— Если переживаешь, я пришлю надежного человека. Он под чужим именем купит дом Ли Фэна и будет негласно ее охранять. А забрать ее мы всегда успеем.

— Пань Юньси сдружилась с этой сворой глупых псов. Она кормила их полмесяца; она будет заботиться о них, а они — защищать её. Кроме того, она разделяет твои взгляды на земледелие и доверяет тебе. Оставить ей эти поля — самое подходящее решение.

Эти доводы убедили Шэнь Цинжаня.

Пань Юньси вдоволь наплакалась, но в глубине души она привязалась ко всему в деревне Лицзяцунь и не могла бросить наполовину выращенных кур, уток и грибы. Услышав, что в будущем они еще смогут увидеться, она предпочла остаться. Снаружи так беспокойно, а в деревне Лицзяцунь — тихо и уютно. Ей даже хотелось уговорить Шэнь Цинжаня не уезжать.

Шэнь Цинжань сказал:

— Мы продали дом одной супружеской паре. Они очень хорошие люди. Если что-то понадобится, смело обращай к ним. А если возникнет какая-то серьезная проблема, через них ты сможешь найти меня.

— Хорошо, — с красными от слез глазами кивнула Пань Юньси. — Я позабочусь о том, чтобы вся деревня пользовалась твоими семенами.

Она смутно догадывалась о планах Шэнь Цинжаня и даже не помышляла о том, чтобы утаить их лишь для себя.

Шэнь Цинжань улыбнулся:

— Я верю тебе.

Пань Юньси была очень деятельной в вопросах земледелия, в будущем она вполне могла бы стать его верной помощницей.

Когда Пань Юньси ушла, Шэнь Цинжань вдруг вспомнил еще кое о чем:

— Как думаешь, в деревню Лицзяцунь больше не придут искать неприятности?

Наследный принц уже знал, что Сюэ Фэйфэн скрывался именно здесь.

— Какое-то время мои люди будут дежурить здесь и не пропустят чужаков. А потом всё уляжется.

Вскоре, когда огромная армия открыто заявит о себе, Сюэ Лифэн, естественно, поймет, что Сюэ Фэйфэна в деревне Лицзяцунь больше нет. И тогда их противостояние перенесется на настоящее поле боя.

В день отъезда односельчане один за другим приходили попрощаться. В обычной жизни они не замечали доброты Шэнь Цинжаня и Сюэ Фэйфэна, а тут к ним словно вернулась память.

Они вспомнили, как Фэнцзы добился для них бесплатной аренды пахотных буйволов на несколько лет; как Шэнь Цинжань продавал им картофель почти даром; как в деревне построили несколько теплиц, и Шэнь Цинжань делился с ними спорами ценных сортов грибов; как любая семья, где рождался ребенок, могла пойти к пруду Фэнцзы и поймать рыбу.

Местные девчушки больше всех любили Шэнь Цинжаня, потому что он, видя их бледные истощенные личики, всегда угощал их чем-нибудь вкусным, а на втором месте была Пань Юньси, которая водила их собирать грибы...

Было и то, что казалось не связанным с ними напрямую. Например, Каменная гора, сколько они себя помнили, всегда была голой, а этой весной вдруг покрылась молодыми побегами сосен и кипарисов. В зарослях травы по обочинам дорог появились кисло-сладкие ягоды: некоторые они видели впервые, а другие были знакомы, но обычно им не по карману... В то время как соседние деревни стонали от нужды, их деревня, казалось, жила в эпоху мира и процветания, становясь всё богаче.

Шэнь Цинжань с недоумением посмотрел на целую толпу крестьян, увязавшихся за ними следом, и его осенило:

— В следующем году приедет торговец закупать картофель, не переживайте!

— Нет-нет-нет, мы просто провожаем вас. — Сельчане, привыкшие сплетничать и перемывать косточки, чувствовали себя неловко, произнося слова прощания. Они смущенно чесали в затылках: — Эй, если там, снаружи, будет плохо — возвращайтесь!

В толпе была даже тетушка Цай. Получив выгоду от картофеля (ее внук уплетал его за обе щеки) и учитывая, что Шэнь Цинжань избавил ее дом от двух бездельников — Ли Цюшэна и Ли Чуньшэна — она перестала язвить в его адрес.

Сами бездельники, если не считать легкой хромоты на одну ногу (из-за которой они не могли бегать и прыгать), ничем не отличались от обычных людей. Поработав какое-то время в поле по принуждению, они вдруг невероятно просветлились: «А что, в земледелии есть свои плюсы. Душа на месте, и не боишься, что завтра будет нечего есть».

Шэнь Цинжань усмехнулся. Человеческое тепло проснулось в жителях деревни Лицзяцунь с некоторым опозданием, но это лучше, чем ничего.

— До новых встреч! Возвращайтесь по домам!

...

Городок Лихуа был самым процветающим местом в Миньчжоу. Дома терпимости, винные лавки, постоянные дворы и торговые лотки стояли здесь тесными рядами.

Второе отделение службы «Тянься» располагалось в пригороде Лихуа. Раскинувшись у подножия гор, на берегу реки, оно занимало не одну сотню му земли.

Добравшись до города, Шэнь Цинжань и Сюэ Фэйфэн остановились на первом попавшемся постоялом дворе. За обедом выяснилось, что Сюэ Цзиньфэн куда-то запропастился.

— А где твой брат?

— Сказал, что пошел кое-что купить, — Сюэ Фэйфэн совершенно не заботило, куда подевался младший. — Пойдем и мы погуляем после еды.

Генералу снова захотелось побаловать жену покупками. Вилла «Тянься» славилась своими богатствами. Поговаривали, что внутри там резные балки и расписные колонны, покрытые золотом и серебром, извилистые галереи и живописные сады... В общем, сплошная показуха. Му Вэнькоу швырял деньги направо и налево, подкупая нужных людей без тени сомнения.

Генерал боялся ударить в грязь лицом на его фоне.

Шэнь Цинжаню совершенно не хотелось ходить по лавкам с Сюэ Фэйфэном. Он же не девчонка, к чему всё это?

Слова «не пойду» уже крутились у него на языке, как вдруг Шэнь Цинжань вспомнил, как накануне Сюэ Цзиньфэн, собирая вещи, заботливо упаковал в отдельный узелок тот самый щегольской наряд, в котором он впервые появился в деревню Лицзяцунь, а приехав в Миньчжоу, тут же в него переоделся.

Действительно, пора бы купить Сюэ Фэйфэну несколько приличных легких одеяний.

Шэнь Цинжань, скопивший немного денег, вдруг понял, почему Сюэ Фэйфэн так любил покупать ему обновки.

Надо брать!

...

Оказавшись на оживленной улице, Шэнь Цинжань принялся оглядываться в поисках лавки готового платья. Легкий прохладный ветерок донес до него едва уловимый аромат благовоний и пудры.

Шэнь Цинжань поднял голову. Впереди, по левой стороне улицы, возвышалось трехэтажное здание, украшенное пестрыми лентами, трепетавшими на ветру. Сквозь уличный шум оттуда доносились игривые смешки.

Публичный дом.

Внезапно знакомый силуэт мелькнул в дверях борделя. Шэнь Цинжань прищурился. Если ему не изменяет зрение, это был Сюэ Цзиньфэн? Он целый месяц наблюдал его в грубой домотканой одежде брата, так что сейчас едва узнал.

Шэнь Цинжань дернул Сюэ Фэйфэна за рукав:

— Твой брат пошел в бордель.

Сюэ Фэйфэн опешил. Они с Сюэ Цзиньфэном не виделись долгие годы, и он понятия не имел о

таких пристрастиях младшего брата.

Краем глаза он заметил высоко висящую вывеску — четыре иероглифа «Весенний ветерок несет тепло» бросались в глаза. Сюэ Фэйфэн неуверенно произнес:

— Наверное, Цзиньфэн пошел туда по делам.

Шэнь Цинжань скривил губы. Ха, еще ничего не знает, а уже оправдывает его, мол, «по делам». Разве серьезные дела решают в публичных домах? Сюэ Фэйфэн подсознательно выгораживает брата, отказываясь смотреть правде в глаза.

— Так легко об этом говоришь... Ты, небось, тоже там бывал?

— Нет! — Сюэ Фэйфэн почувствовал себя без вины виноватым и тут же сменил пластинку: — Развратничать среди бела дня, предаваться плотским утехам... Вот выйдет, я ему задам трепку!

Шэнь Цинжань заявил:

— Я пойду найду его.

Он должен немедленно пресечь этот разврат на корню и наставить парня на путь истинный.

Сюэ Фэйфэн остановил его:

— Я пошлю туда Чан Мина.

Они простояли здесь всего ничего, а на Шэнь Цинжаня уже было брошено несколько липких, завлекающих взглядов. Местные девицы явно приняли его за богатого юнца, впервые заглянувшего в квартал красных фонарей, и, задержись он еще на минуту, наверняка подошли бы тащить его внутрь.

Шэнь Цинжань был прекрасно одет и слишком хорош собой. У Сюэ Фэйфэна сработало чувство собственнической тревоги.

...

Сюэ Цзиньфэн, даже не подозревая, что за ним следят, летящей походкой вошел в заведение. С небрежной ухмылкой он обратился к хозяйке:

— Кто у вас тут лучшая девушка?

Мадам, ослепленная блеском золота, расплылась в счастливой улыбке:

— Ну конечно же, барышня Сяо Чань! Лицом подобна цветку и луне, затмевает саму Дяочань! Вот только...

— Что «только»?

— Барышня Сяо Чань продает лишь свое искусство, но не тело.

— Деньги и красота способны растопить любое сердце. Не факт, что она устоит, увидев меня. Показывай дорогу.

(Дяочань (кит. 貂蝉) — это одна из Четырёх великих красавиц Древнего Китая. В китайской

культуре за ней закрепился эпитет «Затмевающая луну» (по легенде, сама луна стыдливо пряталась за облака, когда Дяочань выходила в сад).

История роковой красавицы: Девушка была искусной певицей, танцовщицей и приемной дочерью министра Ван Юня. Когда империю Хань захватил жестокий тиран Дун Чжо, Ван Юнь использовал красоту Дяочань, чтобы спасти страну. Министр тайно пообещал отдать Дяочань в жены лучшему воину Люй Бу, но затем открыто преподнес её в дар самому тирану Дун Чжо. Дяочань искусно манипулировала обоими мужчинами, вызывая у них взаимную ревность и ненависть. В итоге Люй Бу не выдержал и убил своего отчима Дун Чжо, избавив страну от диктатора.)

Сюэ Цзиньфэн пошел вслед за мадам, задерживая дыхание из-за едкого запаха дешевой пудры.

Они вошли в изысканную комнату на третьем этаже, где пахло свежестью. Сюэ Цзиньфэн наконец-то смог выдохнуть. С резким щелчком он раскрыл веер, картинно обмахнулся и позвал:

— Барышня Сяо Чань?

Из-за полога вышла девушка с изящной фигурой и яркими, выразительными чертами лица. Ее облик был полон достоинства и красоты, без малейшего налета вульгарности.

Сюэ Цзиньфэн присмотрелся: лицо показалось ему смутно знакомым. Во время чисток и ссылок в столице немало благородных барышень оказывались в публичных домах, возможно, она была одной из них.

— Думаю, я был знаком с вашим батюшкой, — с уверенностью заявил Сюэ Цзиньфэн.

Что за неуклюжий способ завести знакомство? Сяо Чань вскинула бровь и села напротив него:

— Молодой господин шутит. Осмелюсь узнать ваше имя?

Сюэ Цзиньфэн сказал чистую правду:

— Я здесь самый большой начальник. Можете гадать сколько угодно.

Раз уж его старший брат скрывает свое имя, то статус самого влиятельного человека автоматически переходит к младшему.

— Мои познания невелики, боюсь, не угадаю. Какую мелодию молодой господин желает послушать сегодня? — Сяо Чань мысленно усмехнулась, обошла стол и села за цитру.

— Я пришел сюда, чтобы одолжить книгу.

Сюэ Цзиньфэн всё еще переживал за брата, поэтому, едва прибыв в Миньчжоу, прямиком направился в книжную лавку. Увы, хозяин сообщил, что всю новую партию еще вчера скупили слуги из борделя.

«В борделях в каждой комнате в ящике стола обязательно должна лежать такая книга. А как придет настроение, они смотрят и повторяют...» — хозяин лавки считал себя человеком просвещенным и, решив, что такие речи оскорбляют его достоинство, не стал вдаваться в подробности.

— Боюсь, молодой господин ошибся дверью. Кто же ходит в бордель за книгами?

Сюэ Цзиньфэн бесцеремонно заявил:

— Только у вас они и есть. Ну, эти... книжечки с картинками, где двое людей... Мне еще подробнее объяснять?

Сяо Чань с понимающим видом подошла к туалетному столику, выдвинула ящик и достала иллюстрированную книжку.

— Держите.

Сюэ Цзиньфэн полистал ее, и мочки его ушей слегка порозовели:

— Нет, мне нужны другие. Те, где двое мужчин.

— Вы пришли сюда, чтобы устроить погром?

— Вовсе нет. Раз у вас в комнате нет, сходите и одолжите для меня у кого-нибудь, — Сюэ Цзиньфэн вытащил еще один слиток серебра.

Сяо Чань быстрым движением выхватила слиток, спрятала его в рукав и наклонилась, заглядывая в ящик:

— Сейчас еще посмотрю...

— И правда есть.

— Давай быстрее!

Книга с силой просвистела в воздухе, целясь прямо ему в лицо. Еще секунду назад нежная и хрупкая девица внезапно переменилась в лице.

Сюэ Цзиньфэн торопливо поймал снаряд. Не думая об ответном ударе, он первым делом сунул книгу за пазуху, правой рукой хлопнул по столу, поймал подлетевший в воздух веер с нефритовыми костяшками и сцепился с девицей в бою.

Какая злобная! А он-то всего лишь хотел купить брату книжку почитать!

Сюэ Цзиньфэн с трудом отбивался, явно уступая в силе. Выбрав удачный момент, он выпрыгнул в окно:

— Я же просто попросил книгу! Обязательно было убивать?!

Они один за другим вылетели из борделя и продолжили драку в переулке позади здания. Сюэ Цзиньфэн страшно жалел, что в деревне Лицзяцунь целыми днями только и делал, что бездельничал и пек картошку, вместо того чтобы попросить брата научить его паре новых приемов.

Черт, она еще и нарочно щиплет его за щеки!

Сюэ Фэйфэн тут же почувствовал, что неподалеку идет бой, да и голос показался ему знакомым.

Неужели брата бьют?

Он обхватил Шэнь Цинжана и поспешил на звуки драки.

Так и есть, это был Сюэ Цзиньфэн! Оба дерущихся были облачены в парчовые одежды с нефритовыми поясами и напоминали двух пестрых бабочек.

Шэнь Цинжань опешил. Неужели Сюэ Цзиньфэн не заплатил девице, и теперь его избивают?

Сюэ Фэйфэн, держа Шэнь Цинжана на руках, слетел со второго этажа:

— Чан Чань, Цзиньфэн, прекратите!

— Господин.

— Брат!

Оба одновременно остановились и в замешательстве уставились друг на друга.

Родной брат Сюэ Фэйфэна?

Та самая дьяволица-сестра братьев Чан?

У Сюэ Фэйфэна разболелась голова. Он поручил Чан Чань сидеть здесь в засаде и выслеживать нужных людей. С какой стати она сцепилась с Цзиньфэном?

— Что здесь происходит?

Чан Чань бросила взгляд на Сюэ Цзиньфэна — щеки у этого братца и впрямь оказались на редкость мягкими и приятными на ощупь.

— Я ошиблась человеком. Прошу князя простить меня.

— Брат, она ущипнула меня за щеку! — поняв, что это свои, возмущенно пожаловался Сюэ Цзиньфэн.

— Вместо того чтобы упражняться в боевых искусствах, ты шляешься по борделям! — с досадой отчитал его Сюэ Фэйфэн. Не мог же он при всех спросить у Чан Чань, зачем она щипала его брата за лицо — это звучало бы слишком унижительно.

— Да так... просто из любопытства зашел, ничего такого, — виновато пробормотал Сюэ Цзиньфэн.

Но Чан Чань не оставила ему путей к отступлению:

— Господин, князь пришел сюда одолжить книгу.

— Какую книгу? — совершенно сбитый с толку спросил Сюэ Фэйфэн.

— Кхе-кхе! — Сюэ Цзиньфэн, держась за грудь, закашлялся, отчаянно подавая знаки Чан Чань: Мой брат и невестка здесь! Выболтаешь всё — тебе же хуже будет!

Чан Чань всё поняла. Дразнить князя, конечно, весело, но нужно проявить уважение при первой встрече с госпожой. Она тут же сменила показания:

— «Троесловие».

— Именно, — с глубокомысленным видом подтвердил Сюэ Цзиньфэн. — «Человек от рождения по природе добр, по природе все люди близки, но привычки делают их далекими».

— Да-да, далекими, — с непроницаемым лицом поддакнула Чан Чань.

— А откуда в публичном доме «Троесловие»?

Чан Чань не моргнув глазом ответила:

— Говорят, для ликвидации неграмотности.

Шэнь Цинжань: «...» И это та самая ужасающая старшая сестра, о которой Чан Мин поминает трижды на дню? Да по уровню интеллекта она от брата недалеко ушла.

Сюэ Фэйфэн, вспомнив обычные замашки своего брата, невозмутимо потянул Шэнь Цинжаня за собой:

— Цзиньфэн в детстве никак не мог выучить «Троесловие», вот и пристрастился коллекционировать разные его издания. Пусть перепишет его сегодня вечером двадцать раз, тогда впредь не будет зариться даже на «Троесловие» из борделя.

Двадцать раз?

«Троесловие» ни в чем не виновато!

Сюэ Цзиньфэн с молниеносной скоростью выхватил книгу из-за пазухи и сунул ее брату в руки:

— Я передумал, забирай.

<http://bllate.org/book/17933/2064984>